

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>

2025, № 6 / 2025, Iss. 6 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-

сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.351.43

Лицо, говорящее в контексте дейксов и в падежной системе разноструктурных языков

¹ Тумгоева Х.Х., ¹ Сагова Э.З.,

¹ Институт иностранных языков и регионоведения,

Ингушский государственный университет

Аннотация: в статье рассматривается лицо Говорящее с точки зрения его представленности в падежной системе номинативного и эргативного языков. Проблема заключается в том, что для адекватного идентичного перевода текста невозможно обойти проблему морфосинтаксической представленности имен (например, местоименных существительных или других субстантивных имен) разноструктурных языков. Три падежа имени, квалифицированные в ингушском языке как ядерные, представляют три личных местоимения первого лица ед. числа, два из которых индифферентны структуре русского языка. В грамматике номинативного языка функционально только одно личное местоимение первого лица единственного числа, номинативного падежа. Такого рода имена в структуре предложения выполняют функцию подлежащего, шифтерно представленного в структуре эргативного языка в отличие от лица говорящего номинативного русского языка. Для нас важно исследовать неоднозначность функционирования трех личных местоимений, как дейксов со статусом «первое лицо» с экскурсом в диахронию языка. В переводческой деятельности важно понять, почему в русском языке одно я 'эго', выраженное личным местоимением первого лица ед. числа в именительном падеже, а в эргативном ингушском языке (языке перевода) три 'я'. Обоснование разницы в функционировании ядерного падежа генетически неродственных языков необходимо, чтобы механически распознавать их в условиях переводческой деятельности.

Ключевые слова: дейксис, лингвопрагматическая установка, указательное поле человека, лицо Говорящее, локутор, первое лицо, ядерные падежи

Для цитирования: Тумгоева Х.Х., Сагова Э.З. Лицо, говорящее в контексте дейксов и в падежной системе разноструктурных языков // Modern Humanities Success. 2025. № 6. С. 24 – 32.

Поступила в редакцию: 14 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 18 июня 2025 г.

A person who speaks in the context of deixis and in the case system of differently structured languages

¹ Tumgoeva Kh.Kh., ¹ Sagova E.Z.,

¹ Institute of Foreign Languages and Regional Studies,

Ingush State University

Abstract: the article examines a speaker from the point of view of his representation in the case system of nominative and ergative languages. The problem lies in the fact that for an adequate identical translation of the text, it is impossible to circumvent the problem of morphosyntactic representation of names (for example, pronominal nouns or other substantive names) of differently structured languages. The three cases of the name, qualified as nuclear in the Ingush language, represent three personal pronouns of the first person, two of which are indifferent to the structure of the Russian language. In the grammar of the nominative language, only one personal pronoun of the first person singular, the nominative case, is functional. Such names in the sentence structure perform the function of a subject, which is shifterically represented in the structure of an ergative language, unlike the person speaking the nominative Russian language. It is important for us to explore the ambiguity of the functioning of the three personal pronouns as deixis with the status of "first person" with an excursion into the diachrony of language. In translation, it is important to understand why in the Russian language there is one *I* 'ego', expressed by the personal

pronoun of the first person of the singular in the nominative case, and in ergative Ingush (the language of translation) there are three 'I'. Substantiation of the difference in the functioning of the nuclear case of genetically unrelated languages is necessary in order to mechanically recognize them in the context of translation activities.

Keywords: deixis, linguopragmatic attitude, human index field, speaker, locutor, first person, nuclear cases

For citation: Tumgoeva Kh.Kh., Sagova E.Z. A person who speaks in the context of deixis and in the case system of differently structured languages. Modern Humanities Success. 2025. 6. P. 24 – 32.

The article was submitted: February 14, 2025; Approved after reviewing: April 16, 2025; Accepted for publication: June 18, 2025.

Введение

Указательное поле человека, о котором одним из первых заявил К. Бюллэр, разработавший теорию о понятии «дейксис», включают три дейктических элемента, что верно для номинативных языков: предметный – *я*, пространственный – *здесь* и временной – *сейчас* [4, с. 60], но неверно для эргативных языков. Автор теории верно определяет, что три дейктические единицы формируют ядро понятия дейкса [4, с. 61-64], которое Ю.С. Степанов определил как трехмерное пространство языка [10, с. 316-317].

Проблема заключается в том, что такого рода первичный дейксис в языках различных стратегий квантитативно и квалификативно не совпадает.

Актуальность исследуемой темы состоит в том, что локутор неоднозначно представлен в «указательном поле человека» эргативного и номинативного языков с антропоцентрической и лингвоцен-

тической точек зрения. Соответственно, речедеятель морфосинтаксически по-разному отражается в структуре этих языков.

Объектом изучения в статье избрана лингвопрагматическая ситуация квалифицируемая в качестве *исходного дейктического поля*. Предметом исследования является языковая (падежная) экспонция персонального дейкса в ареально близких, но генетически различных языках.

Целью избранной для рассмотрения темы является сравнение лица Говорящего, как центрально-го компонента лингвопрагматической установки русского и ингушского языков.

Основная задача статьи видится в интерпретации лица Говорящего, выступающего в качестве первого эгоцентрика в номинативной русской и эргативной ингушской лингвопрагматических установках, с точки зрения его **падежной** представленности:

1. **Я** здесь сейчас
PRON1SING ADVloc ADVtem

2. **Со** *в* *а* *хланз*
PRON1SING CLIT ADVloc ADVtem
'Я' мужчина в пространстве теперь'.
Со *и* *а* *хланз*
PRON1SING CLIT ADVloc ADVtem
'Я' женщина в пространстве теперь' с:

3. **У** *кх аз* *а* *хланз* (инг. *укхаза* 'здесь')
'Тут еще я в пространстве теперь'.

Материалы и методы исследований

Речедеятель русского и ингушского языков, локализовавшийся в центре приведенных лингвопрагматических установок, логически верно, на наш взгляд, определяем в терминах персональный, или личный дейксис, так как в языках различных стратегий он представляет эгоцентрическое лицо с функцией говорения.

Среди компонентов указательного поля эргативного ингушского и номинативного русского языков для обозначения исходной точки поля, на наш взгляд, лучше всего употребить термин

локутор, как лицо, ответственное за высказывание.

Локутор – лицо Говорящее был и остается предметом особого интереса в работах отечественных и зарубежных лингвистов: Ч. Филлмор (1966), К. Бюллэр (1993//2000), Д. Николс (1987, 2011), Ю.С. Степанов (1985), Ю.Д. Апресян (1997/2014), Кравченко А.В. (1995), Е.В. Падучева, включая и ингушеведов: И.А. Оздоев (1962), М.И. Чапанов (1962), А.З. Гандалоева (2018), З.М. Баркинхоеva (2007), Л.У. Тариева (2017, 2021, 2024).

Персональный дейксис, или локутор (инг. *йистхула адам* 'человек говорящий'), расположенный в центре приведенных лингвопрагматических установок неродственных языков, представлен таким специализированным указательным средством, как личное местоимение (*со* 'я') первого лица единственного числа, именительного падежа (пример 1 и 2 обе части). Одна из форм первого лица в указательном поле эргативного языка совпадает с формой первого лица номинативного русского языка (примеры 1-2) и с этой точки зрения условия эквивалентного перевода легко соблюдаются.

Указательное поле ингушского языка (пример 2), названное Л.У. Тариевой лингвопрагматической установкой [11, с. 27], бинарное: две части второго примера различаются одним таксоном (*в* 'муж.', *й* 'жен.'), представляющим гендерный признак в ингушском указательном поле. Русская лингвопрагматическая установка, или указательное поле человека [1, с. 10, 38; 2, с. 295], состоящая из трех таксонов [7] безотносительна к показателю (*в* 'муж' и *й* 'жен') с гендерной характеристикой.

Вторая часть (пример 3) дихотомического указательного поля ингушского языка представлена еще одним личным местоимением первого лица (*аз* 'я') единственного числа, эргативного падежа, безотносительного русской падежной системе.

Локализация речедеятеля как носителя эргативного мышления, согласно мнению Л.У. Тариевой, происходит в исходной лингвопрагматической установке, (представленной речевыми лицами, распознаваемыми аффективными лицами, стоящими за их кадром – Созерцающим и Слышащим), доставшейся ингушскому языку от его сильносинтетического прошлого [12, с. 215, 232, 270; 13, с. 7-8], обнаруживает три личных местоимения первого лица единственного числа (*со* 'я', *аз* 'я', *сона* 'я') [11]. В практике переводческой деятельности в целях адекватного перевода необходимо знание такого рода морфосинтаксической

4. *Сона* довз сай воссар
PRONaff PRES PRONrefl MASDnom
'Я' знаю свое месторасположение' (приземление).
5. *Сона* совглат dennad
PRONdat OBnom PRET
Мне подарок дали.

Формально аффективный падеж (пример 4) совмещен с дативом-экспериенцером (пример 5).

Размещение трех первых лиц кряду в ингушской падежной системе неоднозначное. Два первых лица: номинативное (*со* 'я') и эргативное (*аз* 'я') представлены первым и четвертым падежами,

экспонации лица, индифферентной русскому номинативному языку.

В восьмипадежной системе ингушского языка три местоимения первого лица единственного числа находим в работах ингушеведов, в которых они определены как занимающие центральную позицию и квалифицируются прямо или опосредовано в качестве ядерных падежей имени [8, с. 28-32; 13; 3].

Парадигма лица, введенная Л.У. Тариевой в теорию речевой деятельности, обнаруживает три лица со статусом первые, организующие ядерные падежи: номинативный, эргативный и аффективный [14, с. 180, 183].

Результаты и обсуждения

Для нас в практике переводческой деятельности важно выяснить, что является основанием в когнитивной области мышления носителя ингушского языка для функционирования в языке трех падежей, представляющих три первых лица (*со* 'я', *аз* 'я', *сона* 'я').

Прототипическое представление в структуре ингушского языка лиц парадигмы ядерными падежами оказывается обосновано антропоцентрически. Оно осуществляется личными местоимениями первого лица ед. числа, за которыми на когнитивном уровне стоят различные логические *саг* 'антропоцентрики': *хоаду саг* 'человек чувствующий', претендующий на субъектную позицию в составе предложения в качестве лица Созерцающего и/ или лица Слышащего. Чувствующевоспринимающий речедеятель в падежной парадигме ингушского языка представлен аффективной формой имени [11, с. 305]. В эргативном ингушском языке аффективный эгоцентрик с эпистемическим *хов* 'знаю' статусом высказывания волютативный, самостоятельный, функционирующий в качестве первого лица (Хоад. д. *сона* 'AFF п. я'), но в падежной системе эргативного языка он не представлен автономным, отдельным ядерным падежом. Сравните конструкции:

квалифицируемыми в качестве ядерных, за которыми закреплены два независимых первых лица ед. числа. Право на статус первого лица этим двум ядерным падежам имени дает их антропоцентрическая релевантность. Эгоцентрик Лицо Говорящее, представленное в ингушском языке номина-

тивной формой имени (*со 'я'*) на глубинном (термин глубинный понимается нами согласно концепции Ч. Филлмора [17, с. 220, 230]) понятийном

Со у юхе ва 'Я тут рядом есть' (при невозможности: *Аз у юхе ва 'Аз тут рядом есть'!!!*).

6. *Со укхаза латт 'Я здесь стою'* (при невозможности: *Аз укхаза латт Аз 'Я' здесь стоит*).

Другой эгоцентрик Лицо Произносящее, функциональный в языке, благодаря наличию в сознании носителя ингушского мышления логического субъекта *сакхета саг* 'homo spiritus', т.е. человека-духа, понимается нами в терминах В. фон Гумбольдта, которому принадлежит тезис о единстве духа и языка: «какой язык, такой и дух» [4].

Речедеятель – эгоцентрик лицо Произносящее как представитель *сакхета саг* 'человека духа', в падежной системе ингушского языка представленный эргативной формой имени (*аз 'я'*), также способен сочетаться с дейксисами локативного происхождения: *у 'тут'*, *ука 'тут'* и др. (пример 7). На глубинном антропоцентрическом уровне *сакхета саг* 'человек дух' (инг. *аз 'я'*) в бытность ингушского языка сильносинтетическим был закодирован в своей автономной лингвопрагматической ситуации, которая, как оказалось, уже в современном ингушском языке логично, на наш взгляд, трансформировалась в дейктическое наречие *ука 'здесь'* (примеры 3, 7). А сам

уровне представляет «*кхета саг* 'homo sapiens'», т.е. человека, понимающего, способного соотноситься с дейксисами:

речедеятель лицо Произносящее, экспонированный в языке как личное местоимение первого лица, ед. числа в эргативном падеже (*аз 'я'*) [15, с. 103], маркируется понятием «постулированный», наряду с лицом Говорящим, отмеченным в языке как личное местоимение первого лица, ед. числа в номинативной форме имени (*со 'я'*). Поэтому, на наш взгляд, в силу своей постулированности оба речедеятеля (эгоцентрики: Произносящий и Говорящий) определяются в ингушском нахском языке в качестве ядерных падежей. Падежи имени в номинативной, эргативной форме могут вступать между собой в каузативные отношения [18, 19].

Аффективный падеж (*сона 'я'*) не имеет своего отдельного падежа представления. В ингушской падежной системе он делит место с дательным падежом имени (инг. *Лур дожар сона* 'Дат. п. мне'), омонимичным с аффективной формой имени (*сона 'я'*). Датив как падеж не отражает способности аффектива выполнять эпистемическую функцию как первое лицо. Сравните конструкции:

<p>7. <i>Сона (AFF) хов, масса сахъат да</i> PRON1SING PRE PRONadv SUBnom PRES_{cop} 'Я знаю, сколько часов есть'.</p> <p>8. <i>Сона (AFF) лов, Лътта машар хилар</i> PRON1SING PRES ADVlok SUBnom COP 'Я желаю, чтобы на Земле был мир'.</p> <p>9. <i>Сона (AFF) дозз цар цла</i> PRON1SING PRES PRON3PL SUBabs 'Я узнаю их дом'.</p> <p>10. <i>Сона (AFF) сай бер деза</i> PRON1SING PRON SUBnom PRES 'Я своего ребенка очень люблю'</p>	<p>12. <i>Сона (AFF) совгъат деза</i> PRON1SING SUBabs PRES 'Я подарок хочу'.</p> <p>13. <i>Сона совгъат дезац</i> PRON1SING SUBabs PRESaff 'Я не хочу подарка' или 'Мне не надо подарка'.</p> <p>14. <i>Сона мог ваха</i> PRON1SING PRES INF 'Я могу ходить'.</p>
--	--

Аффектив, закодированный в глаголе с эпистемическим хов 'знако' статусом высказывания, выполняет функцию удостоверения

информации, полученной посредством чувственного восприятия таких речевых свойств лица, как произнесение и говорение:

15. *Сона эши совгъат*
PRON1SING PRES SUBabs
'Мне нужен подарок'
16. *Сона ишила яц*
PRON1SING SKS cop
'Мне холодно нет'

В падежной системе ингушского языка функционален датив, как третий по счету падеж, за ко-

торым выстраиваются и значение аффектива (*сона 'я'*). Коль скоро за аффективом на семантическом уровне стоит аффективный эгоцентрик, лингвоконцепции представленный аффективной формой имени, а на понятийном уровне за аффективной формой имени закреплен антропоцентрик *хоалу саг* 'homo sentiens', то лингвоконцепции его следовало бы представлять двумя логическими «субъектами» [5, с. 65] соответственно (*сона 'я'*, и *сона 'мне'*), грамматическим и семантическим.

Локутор, отраженный в парадигме лица ингушского языка (*со 'эго'*, *аз 'эго'*, *сона 'эго'*) расчленено, или «шифтерно» (термин принадлежит Р.О. Якобсону [16, с. 112]), представлен тремя ядерными падежами в эргативном ингушском языке такое понимание функции лица обуславливает когнитивное освоение размещения любой другой формы локализации.

17. *ССога x1ама дац*

LOC SUBabs No

'У меня ничего нет'.

18. *ССога x1ама дисадий?*

LOC SUBabs PRES

'У меня что-нибудь осталось?'.

19. *ССога деннаад китаб.*

LOC PRES SUBabs

'Мне дали книгу'.

20. *ССона x1ама дац*
- DAT SUBabs PRES
- 'Мне ничего нет'.

Без пресуппозитивной локализации локутора в рефлексивном режиме (примеры 2-3), согласно концепции Л.У. Тариевой, невозможно когнитивное освоение локализации других денотатов, признаков, явлений, действий в пространстве [13, с. 25-28], в силу того, что говорящий вначале должен осознать на собственном опыте свою локализацию. В противном случае речемыслительно и эмпатически локутор не сможет осмыслить размещение других одушевленных и неодушевленных денотатов.

В восьмипадежной системе ингушского нахского языка локатив зафиксирован как седьмой падеж. Семантика локатива указывает на эссивную позицию локутора, в огого открывающего пространство для ориентации *ххетаме* 'разумных одушевленных' денотатов, прежде всего:

20. *ССона x1ама дац*

DAT SUBabs PRES

'Мне ничего нет'.

21. *ССона x1ама дий?*

AFF SUBabs PRES

'Мне что-нибудь есть?'.

22. *ССона деннаад китаб*

AFF PRES SUBabs

'Мне дали книгу'.

Семантическое различие между омонимичными формами *сога* 'мне' (примеры 17-19) и *сона* 'мне' (примеры 20-22) заключается в том, что локативная форма обозначает экспериенцера, которому дают что-либо на временное пользование: «ненадолго» (пример 19). А экспериенцер в дативной форме имени (*сона 'мне'*) получает, что-то в личное пользование «навсегда», становясь обладателем чего-либо насовсем (пример 22).

Следует иметь в виду, что семантика локатива имеет непосредственное отношение к семантике

эргативных глаголов, что в перспективе должно стать отдельной темой для исследования, что также важно знать в условиях соблюдения эквивалентного перевода.

Падежи локализации включаются в восьмипадежную систему современного ингушского языка, а падежи ориентации (-хъа-, -ра-, -хъара), названные Л.У. Тариевой локативными расширителями, выходят за пределы восьмипадежной системы, они названы местными и обладают тремя отдельными формами. Сравните конструкции:

23. *Согахъа кхъчадац каххат* 'В мое направление (сторону) письмо не попало'.
24. *Согара дихъад каххат* 'У меня забрали письмо', или 'От меня забрали письмо'.
25. *Согахъара йодахад каххат* 'От меня (с моей стороны) отбыло письмо'.

В переводческой деятельности важно, что три первые формы пространственных расширителей сочетаются с падежом-локативом с исходным значением эссива. И здесь наблюдается ограничение для пространственных расширителей, или векторных ориентивов (-хъа, -ра, -хъара), которые валентны локативной, эссивной форме имени, а не формам других грамматических падежей.

Локатив как компонент падежной парадигмы семантически неоднозначен в ингушском языке. В перспективе исследование дейксисов и их отношения к падежной парадигме ингушского языка должно обнаружить семантические нюансы функционирования компонентов падежной системы. Сравните конструкции:

26. *Сога ю тахан еррига кечал* 'У меня сегодня весь материал'.

27. *Сога х1ама дац тахан* ‘У меня сегодня ничего нет’.

28. *Сога язлу каъхат* ‘У меня получается писать письмо’ (Или: Я могу писать письмо).

29. *Сога дош деннад* ‘Мне дали слово’.

30. *Сога кхачад каъхат* ‘Ко мне попало письмо’ (к кому?, куда?).

Различные значения локатива в ингушском языке, как неядерного падежа (эссивное, экспериенциальное, директивное) контекстуально обусловлены, что так же важно знать для

31. *Цигача шийло я* ‘Там в черте эвиденциального пространства холодно (есть)’.

32. *Цигачахъа шийло я* ‘В том месте в черте пространства холодно (есть)’.

33. *Цигачара воаг1а со* ‘Оттуда (из того места) я иду’.

34. *Цигачахъара шийло йоаг1а* ‘Оттуда (из тех мест) холод идет’.

Сочетаемость форманта *-ча* с адвербиальным указателем имеет свои ограничения, что зависит от характера дейксиса. Эта проблема так же в перспективе должна стать предметом отдельного исследования на большом пласте слов различной частеречной отнесенности с аффиксоидом *-ча*.

Указательные наречия могут допускать или не допускать валентность на пространственные расширители в структуре языка, интерпретируемые как векторные. Проблемы эти синхронно остаются открытыми, в перспективе требующими своего разрешения в ингушском языке.

Ядерные падежи имени номинативного и эргативного языков с антропоцентрической точки зрения связаны с лингвопрагматической установкой, или с указательным полем человека

Указательное поле человека номинативного русского и эргативного ингушского языков по объему различны: в русском языке ситуация одинарная (пример 1), в эргативном ингушском составная бинарная (пример 2-3), причем первая ее часть дихотомичная (пример 2 обе части).

Выходы

Таким образом, в результате интерпретации указательного поля человека номинативного русского и эргативного ингушского языков (примеры 1-3) обнаруживается основной дейксис лицо Говорящее на фоне дейксисов пространственного и темпорального характера.

Морфосинтаксически и контекстуально гетерогенные дейксисы языка не все участвуют в обосновании исходной лингвопрагматической установки, кодирующй в русском и ингушском языках основного антропоцентрика (*речедеятели, располагающиеся во времени и пространстве*).

Речедеятель представляет локутора, расслоено (разными падежами) экспонированного в ингуш-

эквивалентного перевода текста эргативного языка на номинативный.

В древнеингушском языке актуальным был формант-понятие *ча* с пространственной семантикой (*ча* ‘очерченное пространство’), который

Эссивная форма указательного наречия с морфемой *-ча*, указывает на его валентность дейктическому наречию дистального характера, также как и локативная форма имени открывает возможность присоединения к нему локативных расширителей:

ском нахском языке, в отличие от русского номинативного языка.

Внутри прототипических ситуаций (указательных полей человека) обнаруживается в *origo* персональный дейксис, посредством которого обнаруживаются постулированные явления, на основе которых определяется парадигма лица, актуализирующая в ингушском языке ядерные падежи имени: номинативный – *со* ‘я’, эргативный – *аз* ‘я’ и аффективный – *сона* ‘я’.

В падежной системе обоих исследуемых языков, равно как и в указательном поле человека (примеры 1-3), эгоцентрик лицо Говорящее одинаково отражается формой личного местоимения первого лица ед. числа в именительной падеже. На глубинном когнитивном уровне этот локутор-эгоцентрик представлен в языках перевода антропоцентриком *homo sapiens* ‘человеком разумным’ (инг. *кхема саг*).

В процессе перевода текста с русского языка на ингушский и наоборот здесь проблем не возникает. Однако в прототипической лингвопрагматической ситуации ингушского языка, в отличие от русской, наличествует еще один локутор – лицо Произносящее, в структуре языка функционирующее в качестве личного местоимения первого лица ед. числа, представляющего четвертый эргативный падеж имени. На глубинном понятийном уровне оно представляет антропоцентрика *homo spiritus* ‘человека-духа’ (инг. *сакхета саг*), знание о котором необходимо в целях правильного перевода на любой другой номинативный язык, особенно в условиях перевода идиоматических единиц языка. И наконец, в этой же прототипической ситуации (примеры 2-3), в которой локализованы речевые лица (Говорящее и Произносящее) присутствуют еще и аффективные лица (Созерцающее и Слышащее), правда, за кадром речевых лиц. Оба

аффективных лица в структуре ингушского языка представлены одинаковым падежом имени. На глубинном понятийном уровне эти два аффективных лица представлены единственным антропоцентриком *homo sentiens* ‘человеком ощущающим’ (инг. *хоалу саг*). Поэтому в падежной системе ингушского языка они экспонированы одним личным местоимением *сона* ‘я’. Аффективная форма падежа занимает третье место в структуре падежной системы, разделяя его с омонимичной дативной формой (примеры 16, 19).

Указательное поле, формирующее ядро понятия личного дейкса (три «Я-эго»), в первую очередь включает функцию такого эгоцентрика, как лицо Говорящее, однозначно экспонированное в русском языке (пример 1) и расслоено представленное в структуре ингушского языка (примеры 2-3).

За кадром локализующегося речедеятеля в ингушском языке выстраивается парадигма лица (лицо Созерцающее, наблюдающее артикуляцию лица Говорящего, и лицо Слышающее, распознающее акустику лица Произносящего), в то время как за кадром лица Говорящего номинативного русского языка обнаруживается Наблюдатель, согласно концепции Е. Падучевой [9].

Исследование дейксов с локативным значением (из которых только два указателя пространства (пример 2-3) обнаруживает размещение локутора в прототипической прагматической ситуации), которое показало, что:

Условные сокращения:

1ERG	– первое лицо в эргат.падеже
1SING	– 1 лицо в ед. числе
3PL	– 3 лицо во мн. числе
ADV	– наречие
COP	– глагол-связка
DAT	– дательный падеж
AFF	– аффектив
LOC	– локатив
OB	– объект
PRES	– глагол в наст форме
REFL	– рефлексивная форма

1) пространственных дейксов, на первый взгляд тождественных по значению, в ингушской исходной прагматической установке два (*а* ‘в пространстве’ и *у* ‘тут’), они различаются гиперонимо-гипотетическими отношениями: *а* ‘в пространстве’ указывает в ингушском языке на абсолютное недискретное пространство, *у* ‘тут’ указывает на пространство, квалифицированное как проксимальное, которое очевидно воспринимаемо и на которое можно указать пальцем, рукой или взглядом).

2) верификатором наличия функции локутора в исходной лингвопрагматической установке является антропоцентрик *хоалу саг* ‘человек чувствующе-воспринимающий’, который распознает локутора, в структуре ингушского языка он представлен аффективным падежом имени (примеры 8, 10), в структуре – русского он находится за кадром как Наблюдатель.

Речедеятель, обозначенный в номинативном и эргативном языках личным местоимением первого лица единственного числа, выступает в качестве дейкса, уже не раз исследованного в эссивной позиции в разноструктурных языках. Интерес в перспективе представляют дейктические наречия, которые в наиболее полном объеме должны быть собраны и интерпретированы в языках различных стратегий с гетерогенным прошлым (сильносинтетическим в древнеингушском языке и эргативным в древнерусском языке) со сравнительно-сопоставительной точки зрения.

INF	– инфинитив
PRON	– местоимение
SKS	– слово категории состояния
SUB	– существительное
CLIT	– клитика
deik	– дейксис
abs	– абсолютивный падеж
loc	– локативная форма
tem	– темпоральный
nom	– номинативная форма
ref	– рефлексивная форма
no	– не, нет

Список источников

1. Апресян В.Ю. Тут, здесь и сейчас. О временных значениях пространственных дейктических слов // Русский язык в научном освещении (№ 1). М.: Языки славянских культур, 2014. С. 9 – 41.
2. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира (1986) // Семиотика и информатика. М.: Русские словари, 1997. С. 272 – 298.
3. Баркинхоеva З.М., Хайрова X.Р. Проблемы синтаксиса ингушского языка. Нальчик: Эль-Фа, 2007. 153 с.
4. Бюллер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс Универс, 1993. 501 с.

5. Гандалоева А.З. Х1анзара г1алг1ай мотт. Синтаксис. (Дешара пособи университета студенташта лаърх1а). Назрань. ООО «КЕП». 2018. 352 с.
6. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкоznанию. М.: Прогресс, 1984/2001. 400 с.
7. Кравченко А.В. Принципы теории указательности: авт. дис ...док. филол. наук. Москва, 1995. 54 с.
8. Оздоев И.А. Синтаксис ингушского литературного языка. Простое предложение. ЧИ НИИ. Известия, Т. В. Вып. 2. Языкоznание. С. 3 – 73.
9. Падучева Е.В. Эгоцентрические единицы языка. М.: Изд. дом ЯСК, 2018. 439 с.
10. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985. 335 с.
11. Тариеva Л.У. Речевые компоненты парадигмы лица в языках эргативного строя. Назрань: ООО «Кеп», 2017. 376 с.
12. Тариеva Л.У. Очерки для этимологического словаря ингушского языка. Т. I. Ростов-на-Дону, 2020. 276 с.
13. Тариеva Л.У. Условия локализации лица Говорящего в нахском языке // Вопросы прикладной лингвистики. М.: 2021. Вып. 4 (44). С. 7 – 29.
14. Тариеva Л.У. Языковая экспликация лица в контексте с дейкссисами с пространственным значением в ингушском нахском языке // Казанская наука. 2024. № 8. С. 179 – 184.
15. Чапанов М.И. Эргативная конструкция предложения в нахских языках // Известия ЧИ НИИ. Том IV. Выпуск 2. С. 94 – 170.
16. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол (перев. с англ. А.К. Жолковского) // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 95 – 113.
17. Fillmore Ch. Deictic Categories in the Semantics of «Come» // Foundations of Language: International Journal of Language and Philosophy. NY., 1966. Vol. 2. № 3. P. 219 – 232.
18. Nichols J. Switch-reference causatives // CLS 21, Part II: Papers from the Parasession on Causatives and Agentivity. 1987. P. 193 – 203.
19. Nichols Johanna. Ingush Grammar. University of California Press Berkeley. Los angeles. London. 2011. 806 p.

References

1. Apresyan V.Yu. Here, here and now. On the temporal meanings of spatial deictic words. Russian language in scientific coverage (No. 1). Moscow: Languages of Slavic cultures, 2014. P. 9 – 41.
2. Apresyan Yu.D. Deixis in vocabulary and grammar and a naive model of the world (1986). Semiotics and information technology. Moscow: Russian dictionaries, 1997. P. 272 – 298.
3. Barkinkhoeva Z.M., Khairova H.R. Problems of syntax of the Ingush language. Nalchik: El-Fa, 2007. 153 p.
4. Büller K. Theory of language. Representative function of language. Moscow: Progress Univers, 1993. 501 p.
5. Gandaloyeva A.Z. Kh1anzara г1алг1ай мотт. Syntax. (Deshara posobi universiteta studentashta larkh1a). Nazran. ООО "КЕП". 2018. 352 p.
6. Humboldt W. von. Selected works on linguistics. Moscow: Progress, 1984/2001. 400 p.
7. Kravchenko A.V. Principles of the theory of indexicality: author's diss...doc. philological sciences. Moscow, 1995. 54 p.
8. Ozdoev I.A. Syntax of the Ingush literary language. Simple sentence. Chizhevsky Institute of Philology. Izvestia, T. V. Iss. 2. Linguistics. P. 3 – 73.
9. Paducheva Egocentric units of language. Moscow: Publ. dom YASK, 2018. 439 p.
10. Stepanov Yu.S. In the three-dimensional space of language: semiotic problems of linguistics, philosophy, art. Moscow: Nauka, 1985. 335 p.
11. Tarieva L.U. Speech components of the face paradigm in ergative languages. Nazran: ООО "Кеп". 2017. 376 p.
12. Tarieva L.U. Essays for the etymological dictionary of the Ingush language. T. I. Rostov-on-Don, 2020. 276 p.
13. Tarieva L.U. Conditions for localizing the speaker's face in the Nakh language. Issues of Applied Linguistics. Moscow: 2021. Issue. 4 (44). P. 7 – 29.
14. Tarieva L.U. Linguistic explication of person in context with deixis with spatial meaning in the Ingush Nakh language. Kazan science. 2024. No. 8. P. 179 – 184.
15. Chapanov M.I. Ergative construction of a sentence in the Nakh languages. Bulletin of the Chita Institute of Philosophy. Vol. IV. Issue 2. P. 94 – 170.

16. Jakobson R.O. Shifters, verb categories and the Russian verb (translated from English by A.K. Zholkovsky). Principles of typological analysis of languages of different systems. Moscow: Nauka, 1972. P. 95 – 113.
17. Fillmore Ch. Deictic Categories in the Semantics of «Come». Foundations of Language: International Journal of Language and Philosophy. NY., 1966. Vol. 2. No. 3. P. 219 – 232.
18. Nichols J. Switch-reference causatives. CLS 21, Part II: Papers from the Parasession on Causatives and Agency. 1987. P. 193 – 203.
19. Nichols Johanna. Ingush Grammar. University of California Press Berkeley. Los angeles. London. 2011. 806 p.

Информация об авторах

Тумгоева Х.Х., Ингушский государственный университет, Институт иностранных языков и регионоведения, г. Магас, 386001, просп. И. Зязикова, 7

Сагова Э.З., Ингушский государственный университет, Институт иностранных языков и регионоведения, Магас, 386001, просп. И. Зязикова, 7

© Тумгоева Х.Х., Сагова Э.З., 2025